

Харлан Эллисон

Все звуки страха



Харлан Эллисон

Все звуки страха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156710

Аннотация

Перед вами история блистательного Ричарда Беккера, история его ролей, история его таланта. Он был гениальный актёр, и это его сгубило. Это, в конце концов, свело его с ума. И Ричард Беккер, актёр, сыграл свою последнюю роль – и теперь ушёл прочь, забрав с собой Ричарда Беккера, человека. Человека, что на собственной шкуре познал все виды, все обличия, все звуки страха...

Харлан Эллисон

Все звуки страха

СВЕТ! ДАЙТЕ СВЕТ!

Вопль – вымученный – то ли стон, то ли песнь, исторгнутая из шелестящей тьмы. По сцене мечется человек в белых одеждах; руки простерты куда-то к беснующимся теням; вместо глаз – иссиня-черные провалы. Требование и мольбу, гнев и безнадежность, мучение, страшное мучение являет миру его душа. Едва ковыляет шаг, другой – запинаящийся, нетвердые, – человек этот будто вновь возвращается в детство, пытаясь найти хоть какой-то выход из бездонного моря тьмы, где он ужасается и трепещет.

«Свет! Дайте же свет!»

А вокруг – греческий хор и перешептывание. Путаюсь в одеждах, дрожа и пошатываясь, человек мучительно тянется к источнику звука – к месту отдохновения – к своей цели. Человек охвачен болью, он – воплощение всей боли, всего отчаянья. В мучительном кружке света нет ничего – совсем ничего, – что хоть как-то облегчило бы его страдания. Ноги в легких сандалиях ступают – а каждый шаг будто над пропастью, – ни прибежища, ни надежды... Как возможно, чтобы человек был так отчаянно слеп?

И снова: «Дайте свет! Хоть немного света!» Последний

вымученный вскрик, что выблевывается из сорванного горла уже без всякой надежды на избавление. И человек погружается в наплывающие на него сонмы теней. Лицо расписано причудливым тeneвым узором – снежно-белое в отчетливо-черном – а выхватывающий его кружок ослепительно белого света сползает все ниже и ниже – к зловещему сумраку вокруг ног. Вот странное существо, словно пронзенное сияющей иглой. Сжимаясь и сжимаясь, кружок света наконец глотает его – все погружается во мрак чернее самой тьмы – тьма внутри и снаружи – ничто – finis – конец... глухое безмолвие.

Так Ричард Беккер сыграл Эдипа – первую свою роль. Двадцать четыре года спустя, незадолго до смерти, ему придется сыграть ее снова. Но прежде чем на последнем представлении можно будет опустить занавес, еще предстоит пройти двадцати четырем годам величия – торжественно пройти на сценах жизни, театра и души.

Время, время... преходящее.

Когда решено было подобрать актера на роль нищего параноика в «Нежных мистериях», Ричард Беккер немедленно отправился в магазинчик розничной торговли «Армии Спасения» и приобрел там целый ворох таких отрепьев, которые даже местные святоши – деятели благотворительности, заодно обслуживавшие и упомянутый магазинчик, – давно хотели за никчемностью выбросить на помойку. Беккер приобрел там разошедшиеся по швам и стертые до дыр башма-

ки – вдобавок на пару размеров больше, чем требовалось. Купил он и шляпу, повидавшую столько ненастных сезонов, что поля ее изогнулись и грустно поникли под множеством бешеных дождевых атак. Еще Беккер обзавелся неопределенного цвета жилеткой от давным-давно сгнувшего костюма, брюками с омерзительно отвисшим задом, рубашкой пуговиц так без трех – и курткой, способной служить опознавательным знаком любого ханыги, которому когда-либо приходилось клянчить «на стопочку сердитого» в загаженном переулке.

Все это Беккер приобрел, невзирая на отчаянные протесты любезнейших белокурых дам, «вносивших свой вклад в благородное дело милосердия». Затем покупатель осведомился, нельзя ли ему пройти в уборную примерить обновки. А из уборной, с накинутыми на руку добротным твидовым пиджаком и темными брюками, появился уже совсем другой человек. На обвисших щеках вдруг как по волшебству проросла неопрятная щетина. (Она, разумеется, уже могла быть на щеках молодого человека, когда тот только вошел в магазинчик. Но кто бы это заметил? Слишком уж привлекательным был юноша, чтобы ни с того ни с сего появиться небритым.) Из-под измятой шляпы, будто пакля, торчали редкие седоватые волосы. Физиономия, сплошь изрезанная морщинами, носила печать распутства и лишений – печать жизни, проведенной по кабакам и канавам. Руки заляпаны каким-то дерьмом, глаза потускнели и лишились осмысленности – а

тело так и сгорбилось под грузом никчемного существования. Откуда взялся этот старик? Этот забулдыга из Бауэри? И где тот приятный молодой человек, что входил в уборную в безупречном костюме? Неужто эта тварь как-то его осилила (и какое же гнусное оружие использовал немощный и вонючий старикашка, чтобы справиться со столь сильным и энергичным юношей)? Добрые Белокурые Феи Благодетельности так и застыли от ужаса, стоило им представить себе прелестного ясноглазого юношу лежащим в ванне, а голова его – о Господи Милосердный! – раскрыта обломком ржавой трубы!

Старый обормот протянул дамам пиджак, брюки и все прочие предметы одежды молодого человека, пояснив при этом голосом лет на тридцать моложе своей внешности:

– Прошу прощения, леди, но мне это больше не понадобится. Продайте это, пожалуйста, тому, кто будет в этом нуждаться. – Голос молодого человека – из-под смрадной оболочки.

Потом он расплатился за купленные отрепья. Все дамы, совершенно ошавев от изумления, наблюдали, как он, прихрамывая, вытряхивается за дверь, на загаженную улочку – очередной бродяга, что вливается в ручеек заблудших душ, – ручеек, неизбежно становящийся потоком, рекой, океаном бесприютных ханыг – океаном, что в конце концов растекается по распивочным, лестничным клеткам и парковым скамейкам.

В Бауэри Ричард Беккер провел шесть недель – где только не ошивался – в спальнях мешках, на заброшенных товарных складах, в подвалах и канавах, на крышах многоквартирных домов. По уши в дерьме и унижении, он честно делил этот мир вместе со своими опустошенными собратьями.

Шесть недель он и вправду был самым настоящим бродягой – дошедшим до точки безнадежным алкашом с трясущимися руками, опухшей физиономией и недержанием мочи.

Шесть недель сложились одна к другой – и в понедельник седьмой недели – в первый же день пробы на роль в «Нежных мистериях» – Ричард Беккер прибыл в театр Мартина, где прошел прослушивание в том же самом одеянии, что было на нем все последнее время.

Постановка выдержала аж восемьсот пятнадцать представлений, а Ричард Беккер удостоился премии Коллегии Театральных Критиков как лучший актер года. Он также получил премию вышеупомянутой Коллегии в качестве самого многообещающего актера.

Тогда ему как раз стукнуло двадцать два года.

На следующий же сезон после того, как «Нежные мистерии» сошли со сцены, Ричард Беккер вычитал в «Варьете», что Джон Форсман и Т. Г. Серл намерены подобрать актерскую труппу для «Дома безбожников» – посмертного творения самого Одетса – последнего из его шедевров. Через своих знакомых в студии Форсмана и Серла Ричард Беккер достал копию рукописи и выбрал себе именно ту роль, что по-

тенциально показала ему наиболее содержательной.

То была роль страдающего, полностью погруженного в себя художника, который, угнетаемый захлестывающей его искусство волной торгашества, решает вернуться к утерянной им природной естественности – и устраивается на работу в литейный цех.

Когда немедленно после премьеры все критики дружно признали исполнение Ричардом Беккером роли художника Триска «вершиной трагической интуиции» и отметили, что «убедительность игры Беккера заставляла зрителя недоумевать, как удалось столь тонкому и рафинированному актеру так верно передать все тяготы суровой жизни рабочего-литейщика», они и представить себе не могли, что Ричард Беккер без малого два месяца отработал в литейном цехе сталепрокатного завода в Питтсбурге. Лишь гримёр «Дома безбожников» высказал предположение, что Ричард Беккер побывал на сильном пожаре – ибо все руки актера носили следы жестоких ожогов.

После двух триумфов, двух покорений Бродвея, после бесподобного воплощения двух сценических образов, сразу же причислившего Ричарда Беккера к когорте наиболее выдающихся актеров из всех, кого когда-либо лицезрела Шуберт-Аллея, о нем стали складываться легенды.

В обзорных статьях и рецензиях его стали именовать не иначе как «человек, который сам себе Система». Ли Страсберг, глава Актерской Студии, в одном из интервью заме-

тил, что Беккер, к великому сожалению, никогда не посещал его занятий. Но если бы подобный случай представился, то он, Страсберг, сам выплатил бы Беккеру весьма значительный гонорар за посещение. Во всяком случае, предполагаемое применение Ричардом Беккером теории Станиславского о полном погружении в роль стало самым наглядным образцом обоснованности данной концепции. Ибо Ричард Беккер не просто изображал чесоточного или заику – нет, он в самом натуральном смысле был тем, кого представлял на сцене.

О частной жизни Беккера было известно немного. Он публично объявил о том, что для полной убедительности исполнения ему непременно требуется, чтобы меж публикой и представляемым им образом ни в коем случае не стояла назойливая тень его собственной личности.

На заманчивые предложения Голливуда последовал вежливый, но весьма категоричный отказ, который в краткой заметке по этому поводу прокомментировало «Искусство театра»:

«Цельный сценический образ, что выстраивается Беккером по ту сторону магических огней рампы, без сомнения, потускнел бы, превратившись в двухмерный на голливудском экране. Искусство Беккера, сказали бы мы, суть та квинтэссенция сценической правды и перевоплощения, что требует именно сценической обстановки для сохранения своей подлинности и чистоты. Можно даже сказать, что Ричард Беккер играет как бы в четырех измерениях – в от-

личие от не достигших его уровня современников, мастеровито играющих лишь в трех. И вряд ли кто сможет всерьез оспорить ту истину, что наблюдение за игрой Ричарда Беккера суть почти религиозный опыт. Таким образом, следует лишь поздравить Ричарда Беккера с тем истинно театральным чутьем, что столь вовремя подсказало ему отвергнуть предложения киностудий».

А затем последовали долгие годы создания целой обоймы окончательных вариантов ролей (полностью исчерпанных для других актеров, обреченных играть их вслед за Беккером – после того, как он выразил в них все, что только было возможно) – и в течение всех этих лет Ричард Беккер последовательно становился то Гамлетом, проливая новый свет на фрейдистские трактовки Шекспира, – то неистовым южанином, фанатичным сторонником сегрегации, чья жена вдруг оказывается октеронкой по происхождению, – то лукавым и многогранным Марко Поло, – то симпатягой-коммивояжером, что вступает в борьбу с бездушием и беспринципностью, – то безжалостным сводником, который, движимый женоненавистничеством, доходит до того, что склоняет к проституции родную сестру, – то жестоким и несгибаемым политиком, умирающим от рака, старости и собственного жлобства...

И наконец, самая скандальная из его ролей – воссоздание, по пьесе Теннесси Уильямса, образа обезумевшего религиозного фанатика, которого собственные же противоречивые

чувства толкают на зверское убийство невинной девушки.

Когда актера Ричарда Беккера обнаружили в квартире на-турщицы неподалеку от Грамерси-плейс, никто так и не смог добиться от него внятного объяснения, почему же он все-таки совершил это жуткое дело – грязное преступление. Ибо Ричард Беккер впал в возвышенный тон библейского пророка, зычным гласом вещая о крови Агнца, проклятии Иезавели и вечном пламени Погибели. Среди сотрудников Хоми-сайда оказался новобранец – мальчишка, только-только принятый в группу захвата, – и его неудержимо затошнило при виде забрызганных кровью стен крохотной кухоньки и нелепо втиснутого туда трупа. Потом ему совсем стало дурно – и его пришлось выводить из квартиры под руки – буквально за считанные секунды до того, как оттуда вывели Ричарда Беккера, актера.

Судебный процесс превратился в одно сплошное расстройство для всех, кто когда-либо видел Ричарда Беккера на сцене. Присяжным даже не пришлось удаляться из зала на совещание, чтобы вынести очевидный вердикт: сумасшествие.

Да, действительно. Кто мог сказать, кем был тот безумец, которого защите пришлось силой доставить к свидетельскому месту. Но вне всякого сомнения, он уже не был Ричардом Беккером, актером.

Для доктора Тедроу пациент в надзорной палате под номером шестнадцать был предметом постоянного внимания.

Добрый доктор никак не мог отделаться от воспоминания о том, как одним превосходным вечером три года назад он сидел в партере театра Генри Миллера и восхищенно наблюдал за ловким и находчивым Ричардом Беккером, игравшим роль уморительного Пьяницы в гвозде того сезона – комедии «Вовсе не жулик».

Доктор Тедроу никак не мог выкинуть из головы весь облик и жесты актера, который, казалось, настолько погрузился в Систему, что на время трех актов на самом деле стал разбитным, вечно что-то бормочущим вороватым алкашом – любителем гранатов и (как Беккер торжественно изрек со сцены) «флибустьерства в узких проливах!». Отделаться от мыслей об этом загадочном и многогранном существе, что проживало множество жизней в надежно обитой войлоком палате номер шестнадцать? Нет, невысказано!

Поначалу находились бойкие репортеры, что раз за разом являлись взять у «любезного доктора» интервью, связанные, естественно, со случаем Беккера. Последнему из них (поскольку в дальнейшем доктор Тедроу ввел ограничения на сей вид гласности) он сообщил:

– Для человека, подобного Ричарду Беккеру, огромное значение имеет окружающее его общество. Он в высшей степени дитя своей эпохи. Собственно говоря, у него вообще нет индивидуальности. Все, что у него есть, – это поразительная способность отражать какие-то детали окружающего мира. Ричард Беккер – актер в истинном смысле слова.

Общество наделяет его личностью – дает ему взгляды, образ мыслей и даже внешность для существования. Лишите его всего этого, поместите в обитую войлоком палату – что нам, собственно, и пришлось сделать, – и он начнет терять всякий контакт с действительностью.

– Насколько я понимаю, – осторожно ввернул репортер, – Беккер теперь переживает одну за другой все свои роли. Так ли это, доктор Тедроу?

Доктор Чарльз Тедроу был, помимо всего прочего, наделен состраданием к своим пациентам – качеством, не столь часто свойственным психиатрам. Искренний гнев его, прорвавшийся сквозь заповеди о соблюдении врачебной тайны, был просто очевиден:

– Сейчас Ричард Беккер переживает то, что в терминах психиатрии можно было бы назвать «экзогенной галлюцинозной регрессией». В поисках хоть какой-то реальности – там, в палате номер шестнадцать, – он упорно концентрируется на системе присвоения сыгранных им на сцене персонажей. Насколько я могу судить по отчетам о постановках с его участием, он движется от самых последних к более ранним – и так все дальше и дальше к началу.

Назойливый репортер задавал еще какие-то вопросы, высказывал все более поверхностные и фантазмагорические предположения, пока доктор Тедроу в весьма резких тонах не завершил затянувшуюся беседу.

Но теперь, сидя в своем тихом кабинете напротив Ричар-

да Беккера, доктор понимал, что ни одна самая буйная фантазия прилипчивого репортера не шла ни в какое сравнение с тем, что в действительности проделывал с собой Беккер.

– Слышь, док, – обратился к нему болтливый, расфуфыренный коммивояжер, которого представлял теперь Ричард Беккер, – ну, чего там новенького?

– Да в общем-то ничего особенного, Тед, – ответил Тедроу. Таким Беккер был уже два месяца. Актер целиком погрузился в роль Теда Рогета, громогласного волокиты из пьесы Чаевского «Странник». До этого он шесть месяцев изображал Марко Поло, а еще раньше – нервного и недотепистого плода кровосмесительной связи из «Бокала тоски».

– Эх, а я тут как раз припомнил одну прошмандовочку из... блин, где же это было? Ах да! В добром старом Кей-Си! Вот где это было! Эх, блин, вот была конфетка! Ты сам-то бывал в Кей-Си, а, док? Я там, помнится, приторговывал нейлоновыми колготками. А этих шмар только нейлоном помани! Ей-ей! Чего я тебе расскажу, док...

Доктору с трудом верилось, что сидящий по ту сторону стола человек – всего-навсего актер. Он и выглядел, и говорил в точности как тот, кого он играл. Это и вправду был Тед Рогет. Доктор Тедроу то и дело ловил себя на том, что совершенно серьезно подумывает выписать этого полного незнакомца, невесть как забредшего в палату Ричарда Беккера.

Доктор сидел и выслушивал рассказ про «девчонку ВО-ОТ с такими вот агрегатами», которую Тед Рогет подцепил

в Канзас-Сити и соблазнил нейлоновыми колготками. Доктор сидел, слушал все это и думал о том, что, какая бы еще «правда» ни выяснилась о Ричарде Беккере, этом загадочном существе со множеством жизней и лиц, сейчас актер был не более вменяем, чем в тот день, когда зверски прикончил ту девушку. Все восемнадцать месяцев пребывания в больнице Беккер двигался все дальше и дальше назад по своей актерской карьере, заново проигрывая все роли, – но ни на миг не приходил хоть в какое-то соприкосновение с действительностью.

И в этом бедственном положении Ричарда Беккера – в его странной болезни – доктору Чарльзу Тедроу виделось что-то свое – какие-то общие беды всех своих современников и множество неведомо как унаследованных ими болезней.

Наконец он вернул Ричарда Беккера – вернее, Теда Рогета – в уютный и безопасный мирок палаты номер шестнадцать.

Два месяца спустя он снова его вызвал – и провел три весьма занятных часа в беседе о групповой психотерапии с герром доктором Эрнстом Лебишем, действительным членом Мюнхенской Академии медицины, практикующим врачом Венской психиатрической клиники. Спустя еще четыре месяца доктору Тедроу довелось познакомиться с угрюмым увальнем Джекки Бишоффом, несовершеннолетним преступником и героем «Улиц ночи».

И спустя почти год доктор Тедроу сидел у себя в кабинете напротив вонючего бродяги, неизлечимого алкаша, вконец

опустившегося ханьги с мешками под глазами, который мог быть только тем обормотом из «Нежных мистерий», первого триумфа Ричарда Беккера двадцатичетырехлетней давности.

Доктор Тедроу до сих пор и понятия не имел, как может выглядеть сам Ричард Беккер – без камуфляжа. Сейчас он до мозга костей был удолбанным старым забулдыгой, в глубокие морщины на физиономии которого намертво въелась грязь.

– Мистер Беккер. Мне очень надо с вами поговорить.

В заплывших глазах старого бича тускло просвечивала безнадежность. И ничего он не отвечал.

– Выслушайте меня, Беккер. Если вы все-таки где-то там, под этой личиной, если можете меня слышать – прошу вас, выслушайте. Мне очень нужно, чтобы вы хорошенько уяснили то, что я собираюсь сказать. Это крайне важно.

С покрытых коркой губ ханьги слетело какое-то жуткое, нечеловеческое карканье:

– Бухнуть бы... хоть полстакашка... дай выпить, док...

Доктор Тедроу подался вперед и дрожащей рукой взял старого обормота за подбородок – он крепко его держал, заглядывая в глаза этому полному незнакомцу.

– А теперь слушайте меня, Беккер. Вы просто обязаны меня выслушать. Я просмотрел все подшивки. Насколько я понимаю, это ваша первая роль. Я просто не знаю, что будет дальше! Просто не представляю, какую форму примет син-

дром, когда вы используете все свои личины. Но если вы все-таки меня слышите, то должны понять, что, возможно, вступаете в решающий период вашей – именно вашей! – жизни.

Старый алкаш облизнул запекшиеся губы.

– Да послушайте же! Я правда хочу помочь вам, Беккер! Хочу хоть что-нибудь для вас сделать. Если бы вы появились – хоть ненадолго, хоть на миг, – мы могли бы установить контакт. Сейчас или никогда...

Доктор Тедроу не договорил. Не было у него никакой возможности выяснить, что и как. Но стоило ему только, отпустив подбородок ханыги, погрузиться в беспомощное молчание, как вдруг в мерзкой физиономии бича начались странные перемены. Черты ее менялись, перетекая будто расплавленный свинец, – и на какой-то миг доктору явилось знакомое лицо. Глаза перестали быть налиты кровью и окружены синяками – в них засверкала осмысленность.

– Это вроде страха, доктор, – произнес Беккер.

И добавил:

– А теперь прощайте.

Затем проблески понимания в глазах померкли, лицо снова изменилось – и врач увидел перед собой все ту же пустую физиономию подзаборного забулдыги.

Тедроу отправил жалкого старика обратно в палату номер шестнадцать. А немного позже попросил одного из санитаров сходить за бутылкой муската.

Страх так и трещал по телефонному проводу.

– Ну, говорите же! Говорите! Что там еще стряслось?

– Я... о Господи... не могу я, доктор Тедроу... вы... вы лучше сами приезжайте и посмотрите. Тут... да что же это, Господи?!

– Что там такое? Немедленно прекратите истерику, Уилсон, и объясните мне наконец толком, что же там, черт возьми, происходит!

– Тут... этот номер шестнадцатый... это просто...

– Я буду через двадцать минут. А пока проследите, чтобы в палату никто не входил. Вам ясно, Уилсон? Вы хорошо меня поняли?

– Да, сэр. Конечно, сэр. Ну конечно... ох ты Господи! Только Бога ради – скорее, сэр!

Кальсоны под брюками задрались до колен. Тедроу, не обращая внимание на неудобство, бешено давил на газ. В лобовом стекле мелькали полуночные дороги, а зловещий мрак, сквозь который доктор гнал машину, казался наваждением самого дьявола.

Когда Тедроу наконец вывернул на подъездную аллею, привратник чуть ли не судорожно рванул на себя железный шлагбаум. Пикап зарылся было колесами в гравий – а потом осколки полетели широким веером, когда он стремительно рванул вперед. Стоило машине, пронзительно взвизгнув тормозами, остановиться у больничного корпуса, как входная дверь настежь распахнулась – и старший служитель Уилсон опрометью сбежал по ступенькам:

– С-сюда! Сюда, доктор Те...

– Прочь с дороги, балбес! Я и сам знаю куда! – Тедроу оттолкнул Уилсона и, прыгая через две ступеньки, устремился в здание.

– Это... это началось около часа назад... мы сперва даже не поняли, что происходит... мы...

– И вы сразу же мне не позвонили? Осел!

– Но мы подумали... мы подумали, это у него очередная стадия... уж вы-то знаете, как он...

Тедроу возмущенно фыркнул и на ходу скинул пальто.

Стремительной походкой он направлялся в ту часть больницы, где располагались надзорные палаты.

Распахнув тяжеленную стеклянную дверь, что вела в крыло надзорных палат, Тедроу впервые услышал вопль.

В вопле – мучительном и молящем, вопрошающем о чем-то неизъяснимом и безнадежно потерянном трепете голоса – доктору Тедроу слышались все звуки страха, что когда-либо вырывались из горла любого из обитателей этой вселенной. И куда больше того. В этом вопле каждому слышался собственный голос – каждому казалось, что то рыдает и тоскует его собственная душа.

Тоскует и рыдает о чем-то неведомом... И крик повторился:

«Свет! Дайте свет!»

Другая жизнь, другой голос, другой мир. Бессмысленная и зловещая мольба, что доносится откуда-то из пыльного уг-

ла далекой вселенной. И повисающая там в безвремяе – трепещущая в безысходной и беспросветной муке. Мириады слепых и усталых, чужих и поддельных голосов, слитые в единый вопль, – все вековечные печали и горести, утраты и страдания, какие только когда-либо ведомы были человеку. Все – все это звучало там – там, в этом вопле. Казалось, все благо мира взрезано бритвой и оставлено в дерьме истекать золотистой влагой. Вот брошенный мамой звереныш, пожираемый хищной птицей. Вот сотни детей, чьи кишки наматываются на стальные гусеницы танков. Вот славный парнишка, сжимающий в окровавленных руках собственные легкие. Там были душа и боль – боль и душа – и там было само существо жизни, что угасала без света, надежды и поддержки.

«Свет! Дайте же свет!»

Тедроу бросился к двери и отдернул шпингалет наблюдательного окошка. Долгое-долгое, бесконечно долгое безмолвное мгновение он смотрел и смотрел, как вопль снова и снова сотрясает воздух, отчетливо и невесомо выплескиваясь в пустоту. Тедроу смотрел – и чувствовал, как железная волна кошмара давит его собственный крик страха и отчаянья.

Потом доктор отпрянул от окошка и застыл, прижавшись взмокшей спиной к стене, – а перед глазами его непрерывно и неотступно пылал последний облик Ричарда Беккера, последний из всех, какой кому-либо довелось видеть.

Негромкие всхлипы доктора Тедроу заставили остальных служителей остановиться. Все они молча стояли в коридоре, все еще слыша то непередаваемое эхо, что разносилось все дальше и дальше по таким же коридорам их памяти, – разносилось, оставаясь там навечно.

«Свет! Хоть немного света!»

Наугад нашарив шпингалет, Тедроу наглухо закрыл наблюдательное окошко – и руки его бессильно повисли.

А тем временем в палате номер шестнадцать Ричард Беккер, прижавшись спиной к мягкой войлочной обивке, выглядывал за дверь, выглядывал в коридор, в мир – выглядывал беспрестанно.

Выглядывал таким, каким сюда и пришел.

Безликий. От лба – и до подбородка – пустая, голая, абсолютно ровная поверхность. Пустой. Безъязыкий. Лишенный возможности воспринять и облик, и звук, и запах. Безликое и бессодержательное существо, которое всемогущий Бог не удосужился одарить способностью отражать этот мир. Его Система больше не действовала.

Ричард Беккер, актер, сыграл свою последнюю роль – и теперь ушел прочь, забрав с собой Ричарда Беккера, человека. Человека, что на собственной доле познал все виды, все обличья, все звуки страха.